ТЕТРАДЬ

для Сенаторова
Елизавета Евгеньевна
ученицы 3233 класса 11
Москва школы 1543

Выход из аудитории:
$11^{13} - 11^{12}$

51778

33

1931 г. – не СВ

Литература Серебряного века – это взгляд на жизнь под другим углом, многообразие концепций видения мира, попытка познания роли не только человека, но и искусства, а также стремление к гармонии в период кризиса духовного и нравственного. Поэзия становится неоднородной, появляются различные течения (акмеизм, неокрестьянская поэзия) и группировки с иногда абсолютно противоположными идеологиями (к примеру, РАПП и "Перевал" Воронского). Начинается борьба за литературное первенство, в течение которой много о том, что пролетариату не нужна литература "либеральной буржуазии", укореняется всё сильнее и сильнее.

Владимир Маяковский становится одним из немногих поэтов, кто

51778

воплощает в своих произведениях традиции Серебряного века. Это стихотворение „На отлёт лебедей" – не только квинтэссенция стилистических и идеологических особенностей поэзии начала века, но и сторонее наблюдение за ходом времени, оформленное личное отношение к эпохе и противопоставление её предшествующим.

Жанровая особенность стихотворения в том, что оно является посвящением, что видно из названия („На отлёт лебедей" как „На смерть князя Мещерского", есть конкретный объект, являющийся ~~адресатом~~ адресатом). Именно поэтому уже с первых строк задается временное пространство („некогда"), которое по мере продвижения к последним строфам будет меняться („после", „ночью", „в старости"). Это

градации времени (от прошлого к будущему) согласно с композиционной структурой произведения. Состоящее из 11 строф, оно условно может быть поделено на три большие части, каждая из которых соответствует эпохе, представленной в нем. Так, все начинается с 19 века. Лирический герой, отождествляющий себя с поэтом („лишнюю руку дайте поэту"), сразу же начинает сопоставлять время, в котором существует он, с тем, которое было раньше („нежным бабкиным быстрот дашки"). Он видит совсем другой менталитет, иное условие жизни („масштаб личного пространства — „особняки") и осознает быстротечность своей эпохи („годики быстрой"), ~~которой была мишенью пришествия~~. Лексика героя сочетает

в себе простонародность („быт") и архаичность („эпичество"), которые в следующих строфах будут смешаны по стилистику серебряного века, а после-на просторечие, соответствующее эпохе НЭПа и советской власти. Достигнутое противопоставление одного другому встречается на протяжении всего произведения! „содомство стоящее" (террористические акты в отношении императора) противопоставлены безобидному народному веселью, а „эпохе терпимости", отрицающие всё и считающие себя независимыми, всё равно не могут отказаться от органического языка, заложенного в них с детства („смутно-картавая гальская речь"). Мотив двойственности пронизывает строфы, союз „но" встре

чается несколько раз подряд, и
образ
только Пушкина, стоящий в
ряду с великими и русскими
композиторами, не противоре-
чив, он обособлен и возведен
в вечность. „Но мне бесо гони-
ют", — строка, отсылающая
читателя с одной стороны к
роману Достоевского „Бесы",
в котором описана эпоха
беспорядков в стране, и
явление подпольных организа-
ций, а с другой стороны —
воспоминание о наличие рели-
ее
гии в государстве и роли в
человеческой души.

Заключенная тема музыки в
третьей строфе находит своё
~~продолжение~~ отражение во второй части
стихотворения. Блоковская „му-
зыка революции" из поэмы „12"
~~отголосок~~ отзывается в „наро-
довольческом дивертисменто".

на поэтические течения: музыка символизма (у которого выше все другие течения), фрески и живопись (авангард) футуризма и „чистая" поэзия акмеизма. Тем не менее, сам лирический герой находится в зависимости от эпохи, его лексика всё больше и больше наполняется просторечиями („курносенькая"), и он сомневается в осмысленности противостояния индивидуалистического духа установившейся системе и диктатуре („стоило ль, чаемую вечность уловив, петь дифирамб у свинских корыт"). Если раньше было пастернаковское „писать о феврале навзрыд", то теперь „навзрыд" пастернаковская „варшавянка".

„Ничего другого..." — лирический герой возвращается в

образ гоголевского капитана Лебядкина, потерявшего свое лицо, ~~символизирует~~ отождествлен с человеком начала XX века, утратившим лицую часть себя и пребывающим в фантастическом состоянии. Животное начало проникает в человека, каким-то внешним злом помещает его ("стада волосатых студентов", "свиные рыла"). но на фоне этого вновь проступает "тонкое" детство" эпохи декадентства. Век-предводитель Цыганского скот с "вековолкодавом" О.Э. Мандельштама. "но не волк я по крови своей", - говорит мандельштамовский герой. Так и здесь возникают образы тех, кто противостоит общему течению. "Скрябин, Этингеон, Дикаго, Гумилев." - все эти имена - анаграммы

своего эпоху. Состояние безысходности сопровождает его, даже ветка ани-ми становится „туберкулёзной". „Чаяние вечности" пронизана древней скукой, которая уводит к вечным мотивам. Этот „апполоновых лебедей" сопровождается духовной смертью, потерей связи с высшими началами („время пробитым со двух-ных горшков"). Традиции Серебряного века явно прослеживаются в восьмой строфе: это инверсия в построении предложения, отсылка к древним временам („древняя скука"), высокая лексика („горшков") и обращение к древнегреческим богам (Апполоновы). Лебеди - это символ чистоты и праздности, покидающих этот мир. Парадоксально с этим „лебедями" назовём одно из литературных

течений. Лирический герой будто бы предчувствует характер надвигающегося века, когда каждый, кто считался другом, станет предателем, и люди будут погружены в состояние страха. Обращение появляется в стихотворении, лирический герой осознаёт невозможность возврата к прошлому и невозможность следования за ведущим. Литература достигла свой точки апогея, зенита, и теперь она скрывается в лучах солнца. Но каждый, кто попытается последовать за „апполоновой стаей", сгорит под огнем звезды (аллюзия на древнегреческий миф).

В последних двух строфах происходит резкая смена настроения. Герой-наблюдатель, еще недавно ощущающий тяру (мотив рукоты) внезапно обращается

всех уже как-нибудь

Кем это я стал?

к „деве прохожей", случайному человеку, ~~[illegible]~~ ему кажется, что он нашел ту, что находится в гармонии с окружающим миром („Вот гимназистка на тучке..." – аллюзия на „Тучки небесные..." Лермонтова как тему своего „Внеземного птенца..."). Только сейчас герой начинает говорить о себе, и хотя его речь содержит в себе ~~[illegible]~~ слова советской эпохи („Привет, пионерочка, он все равно стремится к высокому — „и в старости, вдруг, я разражусь бы песню песней о Сулламифи..." В его душе зарождается любовь, он нашел объект своего любования („и с вами пленен"). И от этого всего зависит и состояние души героя, и облик мира („с вами все стало б городу прелестней. Я разобрел бы..."). Появляется надежда на то, что можно будет пуститься в путь за абсолю-

Это по идее „радоваться бы"!
Белые лебеди не могут спрятать под крыльями солнце, а металлик, расплескав зеркало.

90. Автор смешивает серебряный век и 20-е годы (см. стр. 1), критикует ранние сборники Жакевича (почему „сборники" стоящие – это про террористов?), хулит Достоевского и Гоголя (см. и стр. 6), относит к Жакевичу и тоже ругается (стр. 6), критикует бедную фразу, которой там нет („стоит над ранней утратой").

$K_1 - 15$ (Вяземский)

$K_2 - 10$ (Жакевич)

$K_3 - 3$

$K_4 - 3$

$K_5 - 2/33$